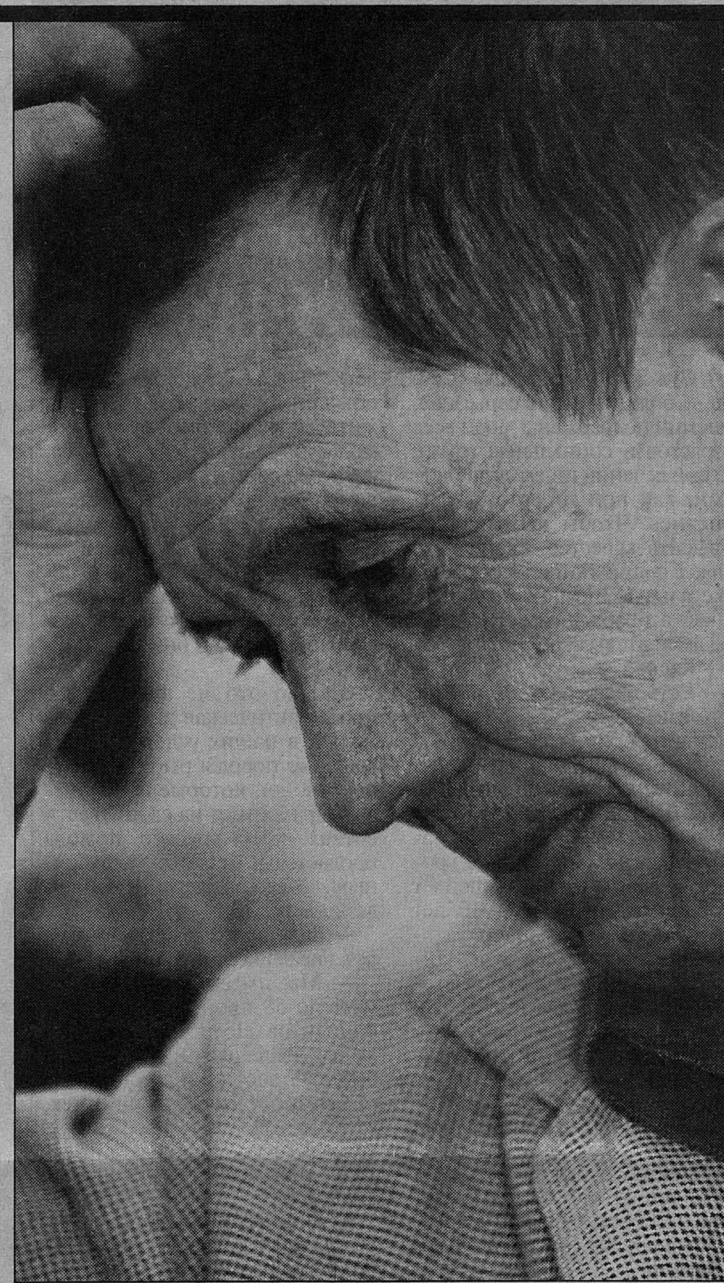

АКТЕР
ЮБИЛЕЙ

Валерий ЗОЛОТУХИН:

УТРОМ ПИШУ, ДНЕМ ИЗДАЮ, ВЕЧЕРОМ ПРОДАЮ

Он из тех, кого трудно заподозрить в наличии отчества.

Мужичок из глубинки: в блестящих сапогах, с трогательно наивной улыбкой и вещмешком за спиной... Вечный житель «Таганки», близкий друг Владимира Высоцкого литератор и большой оригинал Валерий Золотухин. **Ох, простите, Валерий Сергеевич... ведь сегодня ему исполняется 60 лет!**

Лада ЕРМОЛИНСКАЯ

— Валерий Сергеевич, первый вопрос не слишком оригинален: что нового в вашей творческой жизни?

— Самая свежая для меня информация — «Театральный роман». Это все еще незаживающая рана...

— А некоторым не понравилось.

— А некоторым понравилось! Это естественно. Мне, собственно говоря, и роман-то сам не нравится.

— Что ж играете?

— А как иначе? Дали роль, заставили играть.

— Разве нельзя отказаться?

— Отказаться можно от всего. Надо ли? Я, конечно, шучу... Просто один человек мне сказал, что это скучный роман. Но я не понимаю, при чем здесь роман? Он не имеет никакого отношения к независимому театру. Когда меня спрашивают: «Вы играете Станиславского?», я отвечаю: «Где вы прочитали фамилию Станиславского? В романе этого нет!» Мало ли кого подразумевал Булгаков! Про Любимова, Эфроса, Товстоногова можно писать такие же романы!

— Хорошо, сменим тему. Простите, я заметила, что у вас во время разговора шевелятся уши. В детстве вас, наверное, уважали за этот навык?

— Меня называли лопухим, причем впервые я услышал это от директора школы. У меня тогда случился порыв, когда «пальцы просятся к перу, перо к бумаге». Я написал такое сочинение по «Слову о полку Игореве», что оно в тетрадь не уместилось. И получил за это сочинение кол, так много наделал ошибок по русскому языку. А я, надо сказать, вложил душу, до того понравилась мне эта книга. «Слово...» вообще было первым произведением, которое я дочитал до конца.

И тогда я взялся за трактат о преподавании литературы в школе, который впоследствии оказался на столе у директора. Директор вызвал меня в свой кабинет и сообщил: «Если будешь продолжать в том же духе, не видать тебе аттестата, как своих оттопыренных ушей!» Вот тогда-то у меня и открылись глаза. Пришел домой, посмотрел в зеркало: уши как уши, не хуже, чем у других. Ну, может быть, немножко боль-

ше... Но писать я не перестал все равно!

— Вы были хулиганом?

— Да, но я был ограничен в своих возможностях. Три года пролежал, не вставая, в костно-туберкулезном санатории (у меня болела нога), а когда выписался, стал ходить в школу на костылях. Это продолжалось до восьмого класса. Так что обычно я стоял «на шухере», пока друзья лазали по чужим садам и огородам.

— Вы это как-то компенсировали потом, стремились быть лучше других?

— Термин «компенсаторность» я впервые услышал от Владимира Высоцкого. Почти у всех есть это качество, но проявляется оно по-разному. Комплекс неудовлетворенности может перейти в манию, душевный кризис или болезнь. А есть положительная компенсаторность, которая смыкается с тщеславием, честолюбием. В моем случае это стремление написать книгу лучше, чем кто-либо. Лучше, чем даже я сам.

Я стремился к тому, чтобы из гадкого утенка превратиться в лебедя

— Не потому ли вы стали артистом?

— Конечно, я стремился к тому, чтобы из гадкого утенка (так меня называли в школе) превратиться в лебедя. Но желание стать артистом появилось раньше. Мама хотела видеть меня врачом, отец — агрономом, а я всю жизнь стремился в искусство. Я же вообще всех обманул! Будучи хромым, поступил на отделение оперетты.

— Как вам это удалось?

— Ну, во-первых, я обманом взял медицинскую справку. Вторых, старался не ходить по прямой, чтобы не заметили, что я хромоу. К тому же я не разлевался до третьего или четвертого курса. На «музыкальной комедии» мы должны были стоять у станка в плавках, разучивая танец. И я подговорил ребят заниматься в трико. Правда, была еще одна причина: у меня одна нога тоньше другой.

Когда-то в школе я был председателем учкома, а в институте и

театре — секретарем комсомольской организации. Так что я умел влиять на массы! Но был не открытым вождем, а скорее теньным лидером. Так обработал своих однокурсников, что они заставили институт купить трико! А разоблачили меня позже художники, жившие в нашем общежитии. Они заметили, что у меня довольно странная для здорового человека походка. Заманили в комнату и попросили раздеться. Тогда они и увидели, что одно бедро выше другого и есть нарушения в двигательной системе. Художники знают анатомию лучше других.

— Вам это мешало потом в работе?

— Вот тогда, видимо, и началась компенсаторность. Нога сгибалась на 70—80 процентов и просто не выдерживала нагрузок, которые предполагала оперетта. Я предпочел быть первым в деревне, чем вторым в Риме, и оказался в драматическом театре.

— Вы вообще себе нравитесь?

— Если артист себе не нравится,

то какого хрена он вообще выйдет на публику? Это само собой разумеется. Помню, у нас в институте был один преподаватель. Как-то он пришел на лекцию и говорит: «Кто считает себя талантливым, встаньте!» Я встал один. «Все свободны, а вы, Золотухин, останьтесь...» Понимаете, куда я клоню? Я свои фильмы никогда не смотрел — до тех пор, пока не собирал о них какую-либо положительную информацию.

— Почему же вы сейчас не снимаетесь? Бойтесь, что информацию не соберете?

— Сегодняшнее кино — это, как говорит один режиссер, пауза между рекламами. Но дело не в этом. Главное то, что я не интересую нынешнее кино. Меня попросту не приглашают! Я как-то спросил у ребят с «Ленфильма», почему? «А нам, — говорят, — не разрешают вас приглашать. Вам надо оплатить дорожку, гостиницу, проживание, гонорар... Зачем, если у нас есть свои артисты?» Сейчас совсем другая система. Берут человека с улицы как дешевую рабочую силу. Без образования, но с фактурой. Серьезные артисты им не нужны.

— А вы бы согласились играть в телевизионном сериале вместе с «дешевой рабочей силой»?

— Почему нет? Для этого надо знать, что за сериал, и устраивает ли он меня прежде всего по срокам, совпадает ли с моими театральными занятиями. Все, что за рамками репертуара, я могу делать. В этом смысле очень удобно заниматься литературным творчеством, которое помимо всего прочего приносит мне доход. Утром пишу, днем издаю, вечером продаю. Все сам. После чего иду играть на сцену. Это кино, мое собственное, меня вполне устраивает.

— Кто надумил вас встать за прилавок?

— Само собой получилось. Когда вышел тираж моей первой книги «Дребезги», случились события 91-го года. Было непонятно, почему ее продавать и кто будет этим заниматься. Тогда-то мне и пришла в голову эта счастливая мысль. И хотя было очень стыдно, я вышел на улицу. Постоял полчаса, глупо поулыбался... Потом собрал свой столик и с внутренними слезами отправился домой. Долго думал, что делать дальше, и решил попробовать продавать книги в театре — там, где публика меня знает.

Теперь-то я приспособился, стал настоящим профессионалом! Недавно даже Сенью Фарду учил торговать. Он тоже выпустил книжку и, глядя на меня, решил попробовать продавать ее самостоятельно. Положил книги на столик и отошел в сторону. Стоит и думает, что сейчас набегут покупатели и начнут расхваливать его творение! Я говорю:

«Сенья, ты не прав. Пока сам не потолкаешься, не подпишешь экземпляр, никто не купит!»

— Наверное, за это время вы узнали о себе много нового.

— Не то слово! Подходит, например, к моему лотку женщина. Наклонившись, рассматривает книжки и говорит стоящей рядом подруге: «Да я Золотухина как-то не очень...» Я ей на ухо: «А почему вы Золотухина как-то не очень?» Она голову поднимает: «Ой... А я Золотухина как-то не очень... читала». Замечательно вышла из положения! «Берите, — говорю, — бесплатно, если хотите».

Вот вам еще одна история. Подходит девочка, долго на меня смотрит и спрашивает: «Вы Олег Даль?» — «Да нет, — говорю, — я Валерий Золотухин». — «А-а-а... А я смотрю, лицо знакомое!» В этот же вечер на улице подходит ко мне бабушка, просит мыло-стыню. Даю ей десять рублей. «Ой, сынок, да я ж за тебя буду Богу молиться! Как тебя звать-то?» — «Валерий». — «Ой, да ты ж Леонтьев!» — «Да нет, — говорю, — я Золотухин». — «...даже Золотухин!»

Другой вариант. Девочки-девятиклассницы пришли на «Евгения Онегина» — подтянуться по школьной программе. Естественно, не узнают. Вдруг одна из них подбегает, протягивает программку и просит автограф. «А вы знаете, кто я?» — спрашиваю. «Да». — «И кто же?» — «Соломин!» ...Возвращаюсь после спектакля, рассказываю домашним. Все хохочут, а сын интересуется: «Пап, кто такой Соломин?» А вы говорите «кино»!